

И. Г. Ултургашева

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СИБИРИ

В статье рассматривается нематериальное культурное наследие коренных этносов Сибири как один из источников письменности, содержит в концентрированном виде многотысячелетние напластования, которые могут раскрыть ученые только при внимательном анализе и с помощью исторического подхода к тому или иному явлению, сюжету или факту.

Ключевые слова: этнос, эпос, духовные ценности, традиция.

I. G. Ulturgasheva

AXIOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS ETHNIC GROUPS OF SIBERIA

The article deals with the intangible cultural heritage of indigenous ethnic groups in Siberia as a source of writing, contains in a concentrated form of Millenium-beddings that scientists can reveal only after a careful analysis historically approaching the particular phenomenon, story or fact.

Keywords: ethnicity, epos, spiritual values, tradition.

Аксиологические аспекты изучения нематериального культурного наследия коренных этносов Сибири, расшифровка традиционной культуры обусловлены «не противоположностью культуры природе», а природоцентричностью культуры в естественном синкретизме смысложизненной целостности «Природа – Человек – Вселенная».

В современной культурной ситуации представлены духовные ценности трех типов:

1) Традиционные, сохраняющие свое инвариантное значение в любых изменяющихся социокультурных контекстах – общечеловеческие нравственные нормы, некоторые религиозные заповеди, представляющие

собой своеобразные алгоритмы человеческой деятельности и выполняющие в первую очередь функцию стабилизаторов общества;

2) Динамичные, лабильность которых задана изменяющейся социальной средой. В результате в них происходит смена позитивных смыслов, что в каждом конкретном условиях имеет свое историческое, социальное, нравственное и др. оправдание;

3) Ценности-инновации, возникновение которых связано с появлением новых общественных ситуаций – «чувство глобальности» (А. Пиччеи) как важнейший элемент нового гуманизма, «витальная ценность» (Х. Ортега-и-Гассет) и т. д. [3, с. 265].

В развитии современного социума именно эти ценности становятся методологическими регулятивами новой теоретической иерархии функционирующих в обществе ценностей.

Система духовных ценностей складывается под воздействием объективной потребности субъекта при решении конкретных практических задач, то есть, решая практические задачи, субъект (социальная группа, общество, нация и т. д.) создает систему традиционных представлений, фиксирующих современную ему объективную ситуацию деятельности. Каждое следующее поколение носителей традиции сталкивается с новой проблемной ситуацией, для освоения которой он переосмысливает унаследованные способы деятельности, вводя в связи с изменившимися условиями поправки к содержанию традиционной системы в пределах неизменной формы. При этом некоторое несоответствие воспроизведения традиции осознается не сразу.

Таким образом, традиционная система духовных ценностей не остается тождественной самой себе. Она вариативна по существу, кодируя многообразие возможных направлений социального развития, реализуемых последующими поколениями. Между тем

существует определенная граница совмещения формы и содержания традиционно воспроизводимой нормы, за которой неверное толкование содержания грозит разрушением неизменной формы существования последней [3, с. 265].

Объединение древних тюрков, которые основали затем государство, получившее в истории название Тюркского каганата, произошло в конце 20-х и начале 30-х годов VI века. Из письменных источников мы узнаем, что в пустынях и горных степях Центральной Азии проживали тюркоязычные племена, которые являлись одними из древнейших обитателей Саяно-Алтайского нагорья и потомки которых вошли в этнический состав современных алтайцев, хакасов, телеутов, тувинцев, шорцев. Общий уровень культуры племен был довольно высоким для того времени, с учетом функционирования центрально-азиатской цивилизации, которую следует отнести к типу кочевой цивилизации. Наличие рунической письменности свидетельствует о высокой культуре древних тюрков. Памятники этой письменности известны по находкам в Монголии (древнетюркские, орхонские и уйгурские надписи VIII века), на Алтае (на отдельных предметах из древнетюркских погребений) и др. В Туве известно свыше 40 рунических надписей на камнях и на скалах, составленных на тюркском языке. Целый ряд древнетюркских надписей в Хакасии содержит описание исторических событий и является важнейшим письменным источником для ранних фольклорных текстов. Важно отметить и другое: развитость, социальную организацию и практический смысл обрядов, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию [4, с. 71].

Обращаясь к сегодняшнему положению России и национальных республик Сибири, трудно избавиться от чувства, что все мы не ведаем, что творим, резко поворачивая руль

общественной жизни на курс Запада, по пути «объективных» экономических отношений мирового рынка, и не отдавая себе при этом отчета, что западная модель общественного развития оформилась на базе западных ценностей, западных культурных предпочтений, что, наконец, в основу логики развития США и Западной Европы легла иная, чем в России, духовность, и в самой основе западной демократии лежит иное, чем у нас, понятие свободы. А традиционные общества, как и другие народы России (алтайцы, буряты, тувинцы и др.), совершает двойную ошибку, отказываясь от своего исторического лица, оформившегося в контексте центрально-азиатской цивилизации. Почему это обстоятельство представляет опасность для коренных этносов Сибири, попытаемся разобраться, поднимая проблему души и пути народов на примере бурятского этноса, очень подробно рассматриваемую известной бурятской ученой И. С. Урбанаевой [5, с. 28].

Упомянутая в источниках, относящихся к эпохе Чингисхана, Еке Торе (Великая Правда), которая была положена создателем Великого монгольского государства в основу его Конституции – Ясы, существовала в Степи задолго до этого. Это был нравственно-психологический кодекс, поддерживавший Порядок в Степи, к которой кочевники относились как к Дому. Даже в семантике верховной власти (каганат) содержался экологический смысл обеспечения благоденствия и порядка в обширном Доме. При такой жизненной философии среди потребностей и целей общества имели характер приоритетных интересы воспроизводства своего мира. Человек умел «слушать» землю, природу, Космос и умел с ними сообразовываться, действуя по отношению к окружающему миру в соответствии с логикой природы, а не собственных потребностей и стремлений.

«Парадигма воспроизводства», сознательно принятая в идеологии и хозяйствен-

ной практике кочевников, объясняет наличие ряда инвариантных характеристик в жизни центрально-азиатских государств. Развитие степной цивилизации было направлено не вовне, а внутрь, на развитие человеческой природы и мира психических структур.

«Монгол Темучжин смог стать Чингисханом во многом благодаря тому, что хорошо усвоил азиатскую культуру самосовершенствования», – подчеркивает И. С. Урбанаева. Он хорошо осознал, что самую большую опасность для любого человека представляют темные, бессознательные импульсы его натуры. Среди «Изречений» Чингисхана, дошедших до нас, содержатся мысли, очень важные в этом отношении: «Еще он сказал: Каждый, кто может очистить от [зла] свое внутреннее, может очистить от воров [целое] владение» [5, с. 31].

Или вот другой фрагмент его философии: «Удерживайтесь от многих желаний!

Управляйте хорошо и справедливо!

Если можете, сжав легкие, достать ими до рта,

То превзойдете укрощенного льва...

Не ведите себя [так], словно вы высоки, как гора,

Если случится, что гора слишком высока,

То и, поднявшись наверх, человек поведет себя [как Человек].

Если будете в мыслях [своих] глубоки и велики, как море,

Тот человек, что не позволит унижить себя, –

Он и рожден Человеком...» [5, с. 46].

Это лишь немногие дошедшие до нас отрывки учения Чингисхана о человеческом совершенствовании и самопознании, но все же они дают возможность судить об уровне древнемонгольской культуры саморегуляции. Философия работы с «внутренним», которой руководствовался Чингисхан, была создана им в жанре «упражнений духа». Так назывался тип распространенных уче-

ний во Внутренней Азии, близких по жанру к древнеиндийским субхашита – жанру «язящих выражений». «Упражнения духа» базировались на древней центрально-азиатской мудрости и тех эзотерических знаниях, которые восходят к единым для разных культур древнейшим сокровенным источникам. Не случайно монголы обозначали степной порядок, словом Тора. В оккультных науках под этим названием известно учение о сотворении форм.

Космизм учения Чингисхана, тенгрианское мировоззрение монголов были тесно связаны с древней эзотерикой. В связи со сказанным становится понятным глубокий смысл переписки Чингисхана с известным даосским философом Чан Чунем и последующей их встречи. Даосизм является одной из наиболее развитых ветвей эзотерической традиции. А Чингисхан, как и всякий великий государь, вершивший судьбы Азии, был хорошо знаком с азиатскими учениями и понимал магическую силу знания [5, с. 33].

Самобытное и богатейшее нематериальное культурное наследие коренных этносов Сибири является важнейшей составной частью духовной культуры, так как в основе его лежали определенные религиозно-философские, этнические и эстетические принципы, сконцентрированы исторический опыт, мораль, нравы и верования народа, тесно связанные с традиционным укладом народного быта.

Традиционный уклад народного быта – это продукт всей истории общества в области организации жизнедеятельности первичных социальных общностей – кровнородственных семейных и общинных коллективов. Из этих исходных клеточек строится базовая структура общественного организма в целом.

«Основное назначение механизма социального управления: биологическое производство человека, создание системы жизнеобеспечения (пища, жилище,

одежда), – подчеркивает в своих исследованиях известная ученая К. М. Герасимова, и далее, – приемы добывания и производства средств существования и выживания в данной природной среде, организация правил общежития или отношений между людьми в рамках кровнородственных, а затем и территориальных общностей. Соответственно, в регуляцию отношений членов семейных и общинных коллективов входит не только рождение потомства, но и воспитание детей для «взрослой» жизни в социальной нише семьи, рода, общины. Процесс социализации детей – это поэтапная всесторонняя подготовка к вхождению в состав возрастной группы полноправных членов семейного и общинного коллектива.

Полноценным человеком – мужчиной – юноша становился после женитьбы, принимая основной житейский долг продолжения рода; соответственно, назначение девушки определялось замужеством, материнством, обязанностями семейного быта. Формирование человека включало трудовое и социально-нравственное воспитание, усвоение прав и обязанностей половозрастных групп семьи, рода и общины.

Нормальное существование первичных ячеек общества опиралось на свои «три кита»: производство средств жизни, социальную организацию или обеспечение устойчивого порядка в отношениях между людьми, идеологию или нормативную концепцию жизни, закреплённую в правилах социальной и личной морали.

Первые два условия унаследованы человеком из природного опыта выживания популяций, закреплённого, например, в поведенческих нормах существования так называемых общественных животных, ведущих групповой образ жизни (волки, львы, обезьяны и т. д.). В данный природно-эволюционный опыт человек привнес чисто человеческий элемент – ментальность, духовную

деятельность сознания – стремление понять окружающий мир, все сосчитать, определить, связать и гармонизировать (систематизировать) вокруг центрального понятия смысла и назначения бытия. В итоге человек установил идеальные (духовно-ценностные) нормы общежития и нашел для их санкции высокие божественные авторитеты [2, с. 161].

Опасаясь гнева богов, древний человек пытался защититься от всяких невзгод, и поэтому он приносил им жертвы, отправлял обряды и ритуалы, чтобы умиротворить, задобрить всемогущие силы природы. Во избежание нарушения порядка, древние люди должны были постоянно искупать вину за убийство животных, за сломанное дерево, за сорванный цветок, то есть за нарушение или разрушение живой природы.

Обрядовое закрепление всех процессов жизни человека как биологического и социального существа обеспечило автоматизм массового, добровольного соблюдения установленного порядка хозяйственного, семейного и общественного быта. Обыденный повседневный быт народа управлялся спонтанно и неукоснительно силой родовых общинных традиций.

Исторический опыт организации жизнедеятельности первичных кровнородственных ячеек общества, а также регулирования и управления ею приобрел вневременную, «сквозную» значимость для всех эпох.

Социальный опыт сконцентрирован в обрядах, обычаях народной художественной культуры, традиции которой существовали устойчиво и независимо от всех перемен в политическом, классовом, макроэкономическом устройстве общества в целом, потому что они неразрывно связаны с базовым уровнем повседневного, «обыденного» бытия первичных ячеек общества, которые создавали, воспроизводили и сохраняли по мере возможности жизнь человека – главного субъекта истории.

Совершенно правомерно пишет К. М. Герасимова: «Сейчас, когда мы пытаемся найти оборванную нить судьбы, понять, почему нарушилась связь времен, где и что «сломалось» в основе социального механизма, естественно, возникает вопрос: какие уроки истории мы должны узнать и учесть, что из прошлого может быть полезным для современности [2, с. 161].

Нематериальное культурное наследие народов Сибири имеет конкретно-историческую окраску и конкретно-исторический смысл: сакральный, ритуальный, эстетический, прагматический. В границах исторических эпох возникали различные парадигмы или волны, связанные с конкретными историческими событиями. При этом каждый жанр отличают свои закономерности возникновения, расцвета, затухания, включения в культуру. Его развитие не совпадает по своим временным рамкам с границами явления, их вызвавшего. Исторические песни, сказания о пугачевском или разинском восстаниях были рождены ими, но остались в культуре и после их подавления.

Однако следует оговориться: рамки периодизации художественного явления в истории всегда относительны. Они скорее показывают время зарождения, социальный и художественный контексты, а также указывают на их связь. При этом всегда остаются элементы субъективности в восприятии исторических событий, а значит, и в оценке производимого ими влияния в целом на художественную культуру и ее отдельные структуры.

Основой жизни людей в героических сказаниях, например, в хакасском эпосе было культивирование и сохранение природы, а не варварское разрушение, как в наше время. Вера в то, что природа – явление одушевленное, олицетворение ее сил было основной особенностью мифологических представлений о мире. Эта вера составляла главный смысл язычества.

Язычество – вера во множество богов, покровительствующих природным стихиям. Это часть огромного общечеловеческого комплекса воззрений, обрядов, верований, которая послужила основой для всех позднейших мировых религий. В русском языке этот термин происходит от слова «язык», то есть народ, племя. Язычество можно считать первобытной религией [1, с. 44]. И, наконец, языческие корни – первая и основная примета в развитии и сохранении нематериального культурного наследия.

Народные сказки, песни, героические сказания, свадебные обряды, праздники, декоративно-прикладное искусство: народная вышивка, художественная резьба по дереву, камню, кости – все это может быть исторически осмысленно только с учетом древнего языческого миропонимания. Языческая романтика придавала особую красочность традиционной культуре. С язычеством связана орнаментика архитектуры, утвари и одежды. Языческими мотивами проникнуты сложные многодневные свадебные обряды. Значительная часть музыкального фольклора (песенного и инструментального репертуара) проникнута языческим мировоззрением. Живой неувядаемой формой обрядового танца, сопровождаемого музыкой, являются народные праздники.

Основные языческие обряды, праздники и песни племен коренных народов Сибири

связаны с традиционным видом хозяйствования – кочевым скотоводством, разведением лошадей, овец и крупного рогатого скота. Зимой и летом хакасы держали скот на пастбищах, меняя их в зависимости от наличия травы и воды. Географическое пространство кочевой цивилизации хакасского народа было очерчено огромной территорией Саяно-Алтайского региона.

Таким образом, нематериальное культурное наследие коренных этносов Сибири, как один из источников письменности, содержит в концентрированном виде многотысячелетние напластования, которые могут раскрыть ученые только при внимательном анализе.

Безусловно, масштабность и социальная статусность этого пласта национальной культуры коренных народов Сибири требует и весьма неординарных подходов к решению ее проблем, объединения усилий ученых, практиков, организаторов, государственных деятелей. На сегодняшний день о единстве и взаимопонимании всех звеньев и структур, отвечающих за судьбу традиционной культуры, можно говорить как о весьма относительных. Декларативность заверений в важности и актуальности сохранения и развития нематериального культурного наследия во многих случаях не подкрепляется реальными усилиями, обеспечивающими это важное государственное дело.

Литература

1. Бакланова Т. И., Стрельцова Е. Ю. Народная художественная культура: учебник. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 44.
2. Герасимова К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 161.
3. Кусумова Г. К. Традиционная культура и глобализация // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 14. – С. 264.
4. Кызласов Л. Р. Низами о древнехакасском государстве // Советская этнография. – 1968. – № 4. – С. 71.
5. Урбанаева И. С. Эзотерические знания. Проблема души и пути народа // Наука и культура региона: концепции развития: сб. науч. тр. БНЦ ИМБиТ СО РАН, 1983. – С. 28.

Literatura

1. Baklanova T. I., Strel'cova E. Ju. Narodnaja hudozhestvennaja kul'tura: uchebnik. – M.: MGUKI, 2000. – S. 44.
2. Gerasimova K. M. Obrjady zavity zhizni v buddizme Central'noj Azii. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN., 1999. – S. 161.
3. Kusumova G. K. Tradicionnaja kul'tura i globalizacija // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 14. – S. 264.
4. Kyzlasov L. R. Nizami o drevnehakasskom gosudarstve // Sovetskaja jetnografija. – 1968. – № 4. – S. 71.
5. Urbanaeva I. S. Jezotericheskie znanija. Problema dushi i puti naroda. Nauka i kul'tura regiona: koncepcii razvitija: sb. nauch. tr. BNC IMBiT SO RAN, 1983. – S. 28.